

Показание Н. Бухарина.

В настоящих показаниях я хочу дать историческое развитие контр-революционной организации правых, начиная с ее зародышевых форм и вплоть до анализа ее идейные и организационные истоки и предпосылки.

I Общие теоретические антиленинские взгляды Бухарина.

Я прежде всего хочу остановиться на своих собственных теоретических антиленинских и антимарксистских ошибках, чтобы дать известный общий теоретический фон для последующего изложения, и чтобы не повторяться при рассмотрении частных вопросов.

1. Непонимание диалектики и замена марксистской диалектики Т.н. теорией равновесия. Известно, что в завещании Ленина указано, что я не понимаю диалектики и сервезки ее не изучал. Это было совершенно правильное указание. В чисто-философской области я шел от изучения Т.н. "новейшего позитивизма", находился под влиянием А. Богданова, * которого хотел лишь интерпретировать на материалистический лад, что неизбежно вело к своеобразному эклектизму, по просту теоретической путанице, где механистический материализм соединился с пустыми схемами и абстракциями. Марксистская диалектика, блестяще применявшаяся Лениным и применяющаяся Сталиным, позволяет, благодаря своей величайшей гибкости, ухватывать всегда новое, конкретное и своеобразное, т.е. живенно-важное и политически значительное. Абстрактный схематизм воцарился за "последними обобщениями", отрывал их от многообразия быстро-текущей жизни, и в этом мертвом подходе к процессам истории и исторической жизни лежал корень огромных политических ошибок, могущих, при определенной обстановке, перерасти в политические преступления. Можно привести много примеров этой стороны дела.

Когда на VI съезде партии я недооценивал роль крестьянства, а еще ранее национального вопроса, это означало непонимание конкретной исторической обстановки и конкретных этапов развития; когда я во время Брестского мира вел борьбу против Ленина, я не понимал, что конкретнейшими из конкретнейших вопросов о "мужике" и был именно вопрос о том, чтобы дать массе "передышку" и подменить живые потребности момента общелитературными рассуждениями о том, что пролетарское отечество должно быть защищено; когда в профсоюзной дискуссии я занимал антиленинскую позицию и шел влисте с Троцким, я не понимал, что через вопрос о профсоюзах решается и вопрос о кэпе в одной из его конкретных сторон; и, наоборот, много позднее я же антидиалектическая пози-

не приводила к правым ошибкам: когда уже намечалась полого обостренная классовая борьба, из общей схемы о движении к бесклассовому обществу делался калейдоскопический вывод невозможности на данном этапе обострения классовой борьбы. И т.д. и т.п.

Валентина' диалектической шизофрении и величайшей конкретности абстрактными схемами "одновременной теории равновесия", при всех уверениях о подвижном равновесии, на деле вначале фиксации мертвой абстрактности и статичности, что мешало видеть конкретные изменения во всем их многообразии и сложном переплетении явлений.

Теория государства и теории пролетарской диктатуры. Известно, что В.И. Ленин утверждал меня в том, что я ~~не~~ концентрирую все внимание на разрушении буржуазного государства — с одной стороны и на бесклассовом обществе — с другой, не уделяя достаточного внимания переходному периоду пролетарской диктатуры. Мне в свое время это совершенно правильное замечание Ленина казалось вопиющей несправедливостью, ибо — полагая — отнюдь не спроста этим грею. Однако, совершенно очевидно, что именно здесь лежал один из корней позднейшей идеологии правых. В самом деле, в основе этой идеологии лежала недооценка организационных^{ых} возможностей пролетарской диктатуры, переоценка роковой стихии и свойственных ей "экономических законов": все сводилось к рокам, образованию цен, формам государственного вмешательства, протекции ~~на~~ народного хозяйства, соотношение между индустрией и сельским хозяйством, вопрос об индивидуальном крестьянском хозяйстве и т.д. и т.п. — Теоретически упиралась и в этот вопрос, вопрос об организационных возможностях изменить "экономические законы" на пути пролетарской диктатуры. Но, что было чуждо в первых главах кн-ки, антидиалектически переносилось на другие условия и этот перенос опирался на недооценку мощи государственного аппарата возросшей и укрепившейся диктатуры пролетариата.

Теория классовой борьбы в условиях пролетарской диктатуры. Здесь я делал ту коренную ошибку, что из общего соображения ~~о движении~~ о движении к бесклассовому обществу не ~~я~~ делал вывод, что после сокращения помещиков и капиталистов наступает этап "равновесия" между пролетариатом и крестьянством, «двухклассовое общество», в котором классовая борьба постепенно затухает. Я опирался здесь ~~на~~ на антидиалектическое ^{и аксиоматическое} толкование всех мест из Ленина, где последний говорит о мирном и реформаторски-культурном характере нашей работы вообще и в деревне — в частности и в особенности. Я "проиграл" поэтому и нарастающее

противление кулачества, и неизбежное в таких условиях колебание части середняка, е. обстановку развертывающихся диалектических противоречий ктпа, и тот факт, что продвижение социализма, сущая база его классовых врагов, приводит к обострению методов борьбы их против социализма. На объективную закономерность вытекала ^{иные} потребность в развитии в виду партийному руководству, тогда как задача заключалась в преодолении этого сопротивления велии мерами. Зоввал мой лозунгом "форсированного наступления на кулачество" не менял существа дела и был лишь временным тиводом. Сущностью и теоретической основой ^{иных} ~~иных~~ (взглядов) этой области было представление о мирной эволюции с затуханием классовой борьбы. Это, в связи с вышеизложенными положениями о переоценке рыночной политики, привело и к антрелинской трактовке ленинского "кооперативного плана", что играло большую роль в последующей идеологии правых. По этой представлению, главный путь, магистраль развития социализма в деревне, лежит не через производственное объединение крестьянских хозяйств, а через ^{процесс} ~~процесс~~ обращения, через втягивание их через рынок, через торговую кооперацию, кредит, систему банков и т.д., при этом "кулацкие гнезда" будут мирно вращаться в социализм. Таким образом, важнейший вопрос о соотношении между пролетариатом и крестьянством трактовался в корне неверно. Вместо воздействия государства - самобтек, вместо обострения классовой борьбы - ее затухание, вместо ~~базы~~ теоретической базы для производственно кооперирования - рынок, вместо сокрушения кулачества - перспектива его мирного вращаения и ~~его складывалась~~ лозунг "обогатитесь". Здесь складывались предпосылки позднейшей преломленной борьбы с партией и контр-революционных выводов как в идеологической, так и в практической-политической области.

Теория организованного капитализма. Несколько особняком стоит (но являясь продолжением той же самой антрелиности мышления и абстрактной схоластики) т.н. теория организованного капитализма. По этой теории капитализм в своих обобщенных рамках преодолевает анархию производства и рыночные отношения. Это государство, что капиталистическая монополия существует рядом с свободной конкуренцией и еще более запутывает все отношения; то государство, что и внутри самих капиталистических монополий идет ожесточенная конкурентная борьба; наконец, то государство, что государственно-капиталистические формы никогда не могут

многую поддержку всех производивших буржуазный капитализм, — все это выплывает из полного зрания Теории организованного капитализма, которая по существу совпадает с теоретическими взглядами Теоретиков социал-демократии.

II. Зарождение „Бухаринской школы“

Зарождение Т.Н. „Бухаринской школы“ относится еще к 1919-20 гг. Я читал тогда курс лекций (а равно и производческие лекции) в Свердловском университете, среди моих слушателей стал постепенно собираться кружок, с которым я вел семинарские занятия. При этом с рядом участников этих занятий у меня установились и весьма близкие личные отношения: я заходил к ним на квартиру (например, в общежитие в Страстной монастыре, где жили А. Снежков и другие), помогал им в науке и т.д. Из наиболее близких тогда ко мне лиц могу назвать А. Снежкова, Д. Марецкого, Д. Розина. На этих занятиях, а равно и в разговорах на дому, которые тогда носили обычно теоретический характер, я развивал различные „новые“ взгляды, шедшие в основном по линии проблем философии, Теории исторического материализма и экономики. В те годы ~~тогда же~~ (кажется в 1919 или 1920 г.) я написал большую книгу под названием „Теория исторического материализма“ и каждую из написанных глав прочитывал в „своей“ кружке, при чем эти главы горячо обсуждались. Здесь и была развита и полнокровно сформулирована вышеупомянутая антимарксистская Теория равновесия, при чем диалектическая Триада рассматривалась, как равновесие, его нарушение и восстановление; все процессы общества рассматривались именно с этой точки зрения. Здесь же была развита и антидиалектическая концепция механического материализма, сводившая все процессы природы и общества к механическому движению материи. Но так как эти в корне неверные теоретические установки сопровождалась ^{восхищением и вниманием} вовлечением (большого количества) литературы, в том числе и иностранной, то слушатели импонировала мое „эрудированность“, а я был в восторге от того, что нахожу таких благодарных учеников. Так складывалось превознесение моей osoby, известная замкнутость кружка, как „своего“, на основе антиленинских и антимарксистских теоретических установок, хотя бы и самого общего порядка. Полная свобода обсуждения всех теоретических вопросов в этой, как тогда говорили „мыслительной лаборатории“, развивалась, таким образом, на базе антиленинских взглядов, взглядов специфически „бухаринских“; ~~но~~ никому в голову не приходило тогда обратиться на эту сторону дела: наоборот, все мо

малыми, что здесь налицо "давление марксистов вперед", даже за
сделав ленинских теоретических позиций. Ясно свеж между людьми, рас своеобраз-
ной кружковой патристии, и это нашло свое выражение в моей предисловии
выпущенной книге, где я говорю о новой типе людей, работающих на субботни-
ках, дежурящих на пожарах и занимающихся абстрактнейшими вопросами теории.
Впоследствии, дело отнюдь не ограничивалось ~~этой~~ выше упомянутой книгой: обсуждение
важнейших теоретических вопросов шло по широкому фронту и мало-по-малу стало
превращаться и с обсуждением вопросов текущей политики (сперва, конечно, этио-
логически).

В 1921-1923 гг. участники кружка в своем эзре поселились в ИКП, где я продолжал
посещать их и на дому (в общежитии ИКП). Состав "школки" был тогда примерно
таков: А. Шенков, Д. Маренский ^{Д. Маренский}, И. Кравак, А. Стецкий, А. Троцкий,
А. Тусев, Ф. Богданов, А. Зайцев, Н. Стрелочков, близко к ним стояли Моисов,
Радик; не помню когда появился А. Стецкий, Н. Петровский, К. Розенталь, М. Леви-
на, В. Меллаук, а затем Я. Стэн. Нужно заметить, что к этому времени
группа ~~эти~~ икапиров стала организовываться и делала такие вещи, как, напр., выборы
в организованных ИКП, ~~и~~ намечал "свои" кандидатуры и проводил их на выборах.

III. Переход "Бухаринской школки" к политической деятельности.

Из вышеописанного понятно, что группа рано или поздно должна была перейти
к политической деятельности и перерасти в особую фракцию ~~или~~ "идеологов" внутри
партии. Так это и случилось. Я легко считал, что одной из причин моих про-
шлых поражений в борьбе против Ленина ~~и~~ было дружба преданных мне
кадров едкоминиметников и поэтому из школки вербовал себе таких кадры,
которые по ~~своему~~ своему формированию обеспечивали такую преданность.

В самом начале борьбы с Троцкизмом мною был написан "меморан-
дум", который был записан в узком составе группы (этот меморандум, однако,
не был внесен в ЦК ИКП) - был показан лишь одному или двум членам ЦК, не по-
иню кому: Серго и еще кому-то). На нем следует остановиться, так как он со-
держал ряд совершенно антипартийных и антиленинских установок и соответ-
ствующего мудрствования. Основные идеи его, насколько память мне не изме-
няет, сводились к следующему (повторяю, это было на пороге борьбы с Троцкизмом).

"Меморандумы" ставились вот какие вопросы: если у нас после смерти Лени-
 начнется кризис в верхушке партии и будет отсечена известная часть руко-
 водства, то не повлечет ли это за собой дальнейшего кризиса и нового отсечения?
 получатся ли группы в самом руководстве, где каждый вождь имеет своих людей?
 будет ли чего-либо подобного, что было в штабах белых армий, в которых не было
 никакого единства? не грозит ли это громадными опасностями? И - с другой сто-
 роны - не мыслимо ли у нас, в системе пролетарской диктатуры, двух партий, советских
 меняющих одна другую, как республиканцев и демократов в С.Ш.А., где они, будучи
 партиями по существу одного класса, ~~периодически~~ периодически меняются местами?
 Или: не мыслимо ли у нас организация ВКП(б) по типу английской "Рабочей
 Партии" (или "Партии Труда"), с широким охватом? Правда, все эти вопросы зави-
 сели "теоретически", но уже самая постановка их выражала совершенно опре-
 деленную тенденцию (я был напуган тогда Зиновьевым, который в ту пору в разго-
 воре со мной говорил о необходимости ареста Троцкого). Однако, здесь был сделан
 определенный вывод, а именно, что с Троцким, ну, нужно уметь бороться".
 В связи с этим "Меморандумом", если я не ошибаюсь, Астров перешел в лагерь
 Зиновьевцев (потом снова вернулся).
 В развернувшейся борьбе с Троцкистами группа приняла участие, при
 этом ее члены занимали уже и организаторские посты: в редакции "Большевика", "Прав-
 да", в специальной группе, созданной при ЦК, ^{в Коминтерне и т.д.} ~~и т.д.~~ (В то же время эта борьба
 велась в широчайших ("дженгльменских") формах и имела свои основания
 специфические теоретические установки. Коротко говоря, борьбу с Троцкистской груп-
 пой вела, как фракция внутри ВКП(б), она была - если позволено будет так вы-
 ражаться - в блоке с партией. Она к тому времени (примерно) получила свой
 состав: туда вошли Айхенвальд, Э. Тольдонберг, ^{П. Александров} В. Кухомин, П. Сапожников
 (Церулин появился, кажется, только в 1926 году).
 Так уже тогда складывались фракционные кадры для последующей борьбы с
 партийным руководством во главе со Сталиным: наличие были специфические идео-
 логические установки, наличие были люди, наличие была их сплоченность. Заключи-
 тельно, фракционный патриотизм, зависти, антипартийные разговорчики
 и даже низкий теоретический уровень Сталина, мелкое крибиканство, сплетни
 и анекдоты, касающиеся ~~руководства~~ руководства партии усугублялись тем, что я пре-

тупиковый образцы посылал ядро этой фракции во все самые внутренние дела руководства, знакомил ~~э~~ это ядро с секретными партийными документами ЦК, Политбюро, Секретариата и Президиума Коминтерна, воздавал похвалу этому молодчику и тем самым разбрасывал его политически, сея такие семена, которые принесли свои предугибные плоды.

Я боролся в партии против Ленина и был разбит. Я презирал на роль руководителя партии и ^{потому} ~~готовил~~ свои предвзятые кадры. Участники фракции ("школа"), считавшие меня нулем земли, были такими кадрами, уже получившими известный партийный вес, и они ^{стали} ~~послужили~~ впоследствии активом ^{и антисоветской} антипартийной борьбы против руководства партии, против Сталина.

IV Оформление контр-революционных прав ^{организации}

Примерно около 1928 г. в стране пролетарской диктатуры обозначились известные элементы кризиса в отношении между пролетариатом и крестьянством, и руководителем партии, во главе с И. В. Сталиным, стало намечать пути преодоления этих элементов на основе дальнейшего победоносного продвижения к социализму. Я стал в оппозицию к ряду мероприятий, намечавшихся И. В. Сталиным, и эта антипартийная установка быстро переросла - в такой исторической ситуации, при все более обостряющемся классовом борьбе - в установку антисоветскую и по существу контр-революционную. Излишне здесь повторять, что волеизъявление антиленинских теоретических взглядов сыграло в идеологии формирования идеологии правых слоёв крупную роль.

Непосредственным толчком к этому для меня послужил доклад посвященный многому (вместе с моим тогдашним партийным секретарем Е. В. Келдышем) ЦК, где в кабинете Якова я стал спрашивать его о настроении среди крестьянства. Яков вызвал соответствующего работника (кафедра, Алексеев), который сделал мне целый доклад, с цитатами и данными. Я спросил Якова: "Что же ты не докладываешь обо всем этом в ЦК?", на что он мне ответил: "Это - наше дело, И. В.". Помимо, что после этого я пошел в Кавказскую К. Ф. Воронцову, где был в то время Буднов (кафедра, он был тогда начальником ЦК) и вдобавок стал рассказывать о сложившемся. Воронцов имел изумительный, сказал, что я впадал в панику и истерику и считал, как мне стало очевидно из последующего, передавал о моих настроениях Сталину.

На основе всего этого у меня стали происходить все более острые конфликты с руководством партии, что-то я трактовал на все более и более антипартийные пути, пути активной борьбы с партией. Отсюда и порывчатое общение с Рыковым и Томским, из высказываний которых на собраниях заседаний ЦК я видел, что и они держались, примерно, тех же взглядов, что и я, хотя и без соответствующей теоретической формулировки. Одновременно я систематически и предвзято образом держал в своих "учениках" в курии всех интриганов ЦК, рассказывая обо всех конфликтах и таким образом воспитывая их на установках все более и более антипартийных, что было особенно вредно при обшей контр-революции в стране. Примерно к тому же времени начались нелегальные собрания ряда членов ЦК, помимо упоминавшихся Рыкова, Томского и меня самого. Если не ошибаюсь, первое такое собрание было на даче у М. Томского, где я встретился с тем-то вроде Тезисов, более или менее свободно формулировавших мои взгляды. Там был я, Мойский, не помню, был ли Рыков, некоторое время ЦК-продеканов (помимо Тарова), был, кафедра, Смирнов ("Роман"), В. Полонский, Н. Антипов, Догаров, возможно, что и Иванов. В. Полонский скоро пошел, отошел и Антипов. Роман Смирнов (А. П.) был известен, как человек ультра-правых взглядов, но он держался в стороне и отстраненно. Собрания

Таким образом организационное опровержение контр-революционной правых оппозиции. Идеологическое ее опровержение развивалось в ряде выступлений, прежде всего, на пленумах ЦК, предварительно ~~были~~ обдумавшихся на вышеупомянутых неслучайных совещаниях, где выработались и план речи, и распределение выступавших, и ~~их~~ очередность выступлений. В отборке одобреннейшей классовой борьбы эти выступления отражали сопротивление мелкобуржуазной Лиги и кулачества, ибо по существу ~~и~~ здесь обвинялись не те, кто сопротивлялся, а партийное руководство, направившее социалистическое движение. Особо острое и контр-революционное жало в этих выступлениях имело свое выражение в тезисе ~~о том~~ о вечно-деградантной эксплуатации крестьянства, что при подавляющей политической обстановке одобряло антисоветское сопротивление капиталистических классов. Эти выступления ~~были~~ обдумывались и на них здесь не ~~было~~ отразилось. Необходимо, однако, отметить ~~факт~~ ~~написания~~ много ~~большой~~ и ~~подробной~~ платформы правых, которая была обдумана на совещании правых членов ЦК и некоторых из "шкотки": здесь давалась резкая антисоветская критика политики партии и правительства по величине группы вопросов общеполитического порядка, от экономики до политики Коминтерна, от внутрипартийной политики до проблем партийного руководства. Особо следует отметить злобную критику Т.К. "партийного режима". Далее, мне кажется, останавливаться на этом не следует, ибо мне известно, что самый текст платформы имелся в распоряжении следствия.

V Тоски Блоха с Каменевым-Жуковским.

Так как правые в своей борьбе против партии не казались ^{одни} на своем силе, то казались союзниками среди разрозненных партийных групп и организаций и, прежде всего, группой Каменева-Жуковского, (с которой было когда-то довольно значительное количество сторонников в Ленинградской организации. К отколовшимся сюда фракции приписывался:

1. мое свидание с Каменевым на квартире Каменева;
2. мое свидание с Петяковым в Кремлевской библиотеке, где был и Каменев;
3. мое и Тоскино свидание с Каменевым на даче В. Шмигеля.

Эти свидания, конечно, неинтересно различные "психологические переживания", которые влечались за ними, а важен политический смысл и значение. Этих фактов, как попыток еще в то время установить политический блок между контр-революционной организацией правых и контр-революционной группой Каменева-Жуковского, а также троцкиста Петякова.

Наиболее важное значение, кажется мне, имеет свидание на квартире Каменева. Фактическая сторона этого дела такова: ко мне зашел Сокольников (которого я знал еще по старым временам швейцарской организации в 1905-6 годах, а затем по эмиграции) и поведал мне о Каменеве, от которого вскоре ушел. Я был в

в возбужденном состоянии и в весьма резких выражениях криков и побуждений, побуждению Сталина, характеризую ее, как побуждение гражданской войны, побуждение организации голода, побуждение отсечения тварей действий партии и т.д. Каменев держался вынужденно, давал мне впопыхах "и ограничивался" и ограничивался реторикой, так сказать, «молчал себе на ус» мои клеветнические утверждения. Как известно, он даже передал запись разговора Сталину, и они выпустили соответствующую прокламацию. Хотя это свидание и привело ни к каким непосредственным практическим результатам, но это побуждение, как побуждение установления побуждения кооперации между кооперацией и кооперацией организации права в моем лице и кооперацией и кооперацией организации зинovieвско-каменевского фронта, не подлежащий сомнению.

Вторым свиданием было свидание в Кремлевской больнице, где лежал Пятаков (до этого я заходил к нему на квартиру в доме "Ниренсее", где там были дома "разговора", и Пятаков пошел даже свою дочь меня провозить: "приведи Колю"). Я пришел в больницу с платформой правых, о которой речь шла выше. В больнице Пятакова оказался и Каменев. Я вслух прочитал экономологическую часть платформы и спрашивал присутствовавших относительно их мнения по поводу соответствующих положений платформы. И здесь оба лица проявили осторожность и ничего не ответили по существу, хотя с видимым вниманием относились к зачитываемому мною документу. Вскоре Пятаков сообщил и об этом свидании, и платформе Сталину и Орджоникидзе (тогдашнему председателю ЦК). Об этом я сразу же догадался, ибо, когда меня в ЦК спрашивали ^{о посещении Каменева} ~~Бухарина~~ (Серго Орджоникидзе сказал несколько слов, которые были в платформе (слова характерны), и так как никто другой, кроме Каменева и Пятакова не мог об этом сообщить, то я и догадался, что это сделал Пятаков. И тем не менее в полковой силе отдал характеристику и это посещение, как попытка блока, тем более, что речь шла об утрате платформы).

Наконец, третьим свиданием было свидание на даче у Шмидта (около дачи М. П. Томского). Самого Шмидта не было. Инициатива этого свидания принадлежала Томскому (я повариваюсь, что не помню хронологии ^{этих последних} ~~этих~~ (свиданий)). Я пришел туда вместе с Е. Церетини. Таким образом, там присутствовали Каменев, Томский, я, Церетини. Это было перед одним из пленумов ЦК и, как мне помнится, усилие (правда, весьма тусклое) Каменева было направлено на то, чтобы узнать, будем ли мы ^{т.е. правые} ~~выступать~~ на пленуме ЦК и предупредить возможность недовольства.

VI. Переход к двуручишеской тактике.

К 1930-31 г. политическая ситуация в стране крайне обострилась в силу отчаянного сопротивления кулачества и его союзников в городах (чаще буржуазной рабочей интеллигенции и т.д.). Трудности возрасли, и началась политическая со стороны правых ~~и~~ политическая спекуляция на этих трудностях. (Выбирались всевозможные сведения о сопротивлении коллективизации, о разнотравных проявлении крестьянского недовольства, об уходе скота, об отрубании хлеба, о росте дороговизны, о развилке экономических парадоксах (это называлось „экономика голода“), тщательно подбирались такие факты, что извозчики корзин с лошадью несли хлеб, ибо это дешевле и т.д. до бездонности). Рост на использование этих трудностей стал главной темой соответствующих постановлений и циркуляций в среде членов правых контр-революционной организации на Варшавских у Рыкова, у Мельника, у Момского, в разговорах с земляками „школки“ на квартирах у Сидорова, ~~и т.д.~~

Но здесь предварительно необходимо сказать несколько слов о Т.н. Капитуляции правых, происшедшей в несколько приемов. Было совершенно очевидно, что дальнейшее продолжение открытой борьбы приведет к полному разгрому всего кадрового аппарата организации, к потере всякого авторитета лидеров ее, к ряду репрессий и т.д. Правые в открытой борьбе — на пленумах ЦК и на заседаниях созванных кадрорганизации — были идейно дилетантами: не было и речи о каком-либо завоевании большинства. В профсоюзках, где, казалось бы, авторитет Момского был непреклонным, в московской организации (еще ранее), коей заправлял Чкалов, ^{в совхозах, где были члены у Рыкова,} где работал он, — повсеместно партия одерживала победы, и сторонники правых были изволированы кулаками. Отсюда мы пришли к мысли о необходимости капитуляции и о переходе к двуручишеской тактике. По крайней мере, интересно отметить, что и ранее того поиски в нашей (правой) среде Т.н. „нефракционной фракции“, то-есть таких методов проведения своих действий, которое (метод) в то же время предохраняет от правых от разгрома (а это был вывод из опыта борьбы Троцких и синовладельцев против партии) — послужили основой для формулировки двуручишеской тактики. Формально эти поиски „нефракционной фракции“ были как будто свидетельством об особом мирном характере правых. Но существу это был переход к двойной бухгалтерии, то-есть к маскировке, то-есть к негалавничке, как принципу работы, т.е. к нарушению не только партийной, но и общесоветской, коммунистической, ударнической негалавнички.

Этот переход к негалавничким методам борьбы неизбежно привел, в силу логики продолжения борьбы, к исключительным жестоким последствиям и к все возрастающей вредности этой организации правых.

Прежде всего, "тройка", формально капитулировавшая, превратилась теперь в легальный центр правой организации. Ближе к этому центру стоял и А. С. Енукидзе. Енукидзе был известен, как человек либерально-однадцатилетского склада и в то время, как человек, сочувствовавший правым. Томский неоднократно с ним беседовал, сообщая о его соответствующих настроениях и по отношению к экономическому политическому, и по отношению к вопросам "внутрипартийного режима". У меня были тоже встречи с Енукидзе, во время которых он высказывал явное сочувствие ко мне, Роккову и Томскому, как к оппозиции. Томский рекомендовал его, как человека "своего", который, к счастью своего служебного положения, связей и взаимоотношений может пригодиться. Таким образом, Енукидзе оказывал влияние в орбиту внимания правой организации и через Томского стал в близкие к нему отношения.

Далее. К этому времени в порядке партийной репрессии "чужаки" раз'ехались по разным городам: (Муром, ~~Сарат~~ Самара, Ленинград, Новосибирск и т.д. и т.п.). Предварительно, до их отъезда, по этому поводу нашла себе место обсуждение вопроса тематикой правого центра, и мы решили, что "не худо без дела", и что франт рассказы этих людей на местах может быть использован по разным направлениям, в первую очередь, по линии сбора информации о положении дел на местах (ибо официально никаких данных мы уже ни в каком случае не верили), а затем - и это главное - для сколачивания новых кадров на периферии, для вербовки новых своих сторонников в целях продолжения борьбы с партией и расширения активной кадровой контр-революционной правой организации. Эта работа и проводилась на местах, при этом время от времени люди приезжали в Москву и сообщали о настроениях на местах, о местных работниках, о своих "успехах" в деле подбора новых кадров контр-революционной правой организации. Обычно эта информация передавалась не на совещаниях центра, а другими путями: эти приезжавшие находили ко мне или к Томскому или к Роккову и рассказывали о положении дел, а тот, кто получал сведения, при встречах с другими передавал в свою очередь о них; я лично продолжал обитать на квартире у Сенина ~~и~~, Маренко, Астрова и получал иногда информацию и таким путем. Не могу вспомнить, были ли совещания всей "тройки" с докладом кого-либо из приезжавших, но не исключено и такого случая. В свою очередь мы, т.е. члены правого центра, всецело одобрили эту деятельность, давали советы, рекомендовали сугубую осторожность и тщательный подбор людей, предупреждали от провалов, говорили о собирании особо интересовавших нас сведений, давали новые импульсы к продолжению антимосковского работы на местах.

Вербовка людей шла таким образом непрерывно. Из вопросов, имеющих особое значение, следует отметить информацию Роккова о Ягоде. Рокков, который был в свое время связан с Ягодой (вернее, наоборот) однажды сообщив, что Ягода занял себя

ашии сфронтиком, ко тѣхъ отъ, Игуда, мѣлаеъ держати ка особо конспиративном
порсеніи в силу рода своей сущности, и тѣхъ тѣхъ особо-конспиративное положеііе нудно
издѣлнтейшимъ образомъ оберегати.

II Переход к тактике насильственного свержения руководства

В начале лета 1932 года вновь стал вопрос о платформе правых. Платформа 1929 г. не была распространена и ~~уже~~ устарела: ~~Критика~~ ~~за~~ это время многое уже произошло в стране, ~~и без учета этого нового~~ это требовало политического учета. На советском центре правых, если не ошибаюсь, на даче у Томского, было решено приступить к выработке новой платформы, при этом договорились, что для этой новой платформы можно было использовать те части платформы 1929 года, которые еще не устарели и сохраняют свою силу. ~~Мне~~ Критика партийного решения, "диктатура Сталина", переход к методам насильственного свержения руководства ~~стали~~ ^{были} в порядке дня. На этой советской ^{"тройке"} присутствовал и Уланов, было решено, что платформу будут выработать "ребята" Уланова. Уланов принял это поручение, и через некоторое время платформа была выработана, ^{причем в основу ее легли вышеуказанные установки.} Она ~~была~~ ^{была} ~~полностью известна~~ ^{известна} под именем правой платформы, однако, была по существу платформой всей правой контр-революционной организации ^{в совокупности}: ее идейные основы — критика экономической политики партии и правительства, критика внутрипартийного решения, ^{и т.д.; ее} ~~и т.д.~~ ^{совпадали} теоретические предпосылки, — все это совпадало с существующим взглядом правых, представлявшим лишь дальнейшее историческое развитие этих взглядов. Ротенская группа должна была признать то обстоятельство, что платформа является платформой всей правой организации в целом: это был до известной степени псевдоним, под которым ~~продолжала~~ ^{продолжала} ~~функционировать~~ ^{функционировать} организация правых, псевдоним, обеспечивавший от ударов других тайных организаций.

Платформа эта была выпущена под руководством Уланова. Техническая сторона дела мне неизвестна, и я с ней в готовом виде не успел ознакомиться, так как к моменту ее выпуска уехал в отпуск, а установление ее момента я знал, ~~как~~ ^{как} ~~вид~~ ^{вид} ~~но~~ ^{но} из предыдущего изложения. Уехал я в отпуск, предварительно дав от имени центра правых согласие на созыв совещания из периферийных ~~и~~ ^и ~~работников~~ ^{работников} контр-революционной организации правых, инициатора созыва которого принадлежала, если не ошибаюсь, А. Сметкову, летом 1932 года приехавшего из Самары в Москву и являвшегося главной организаторской силой 7-й кав. "школки". Эта конференция и состоялась в конце лета 1932 года в мое отсутствие, при этом связь с центром правых поддерживалась через М. Н. Томского, который был связан со Сметковым и другими через посредство одного из ближайших друзей А. Сметкова, Жирова (или Живова, точно не помню), ~~с~~ ^с работавшего в ОГПУ, во главе которого работал Томский. За это же время была ^{обсуждена} ~~на~~ ^{на} ~~совещании~~ ^{на} ~~у~~ ^у ~~Томского~~ ^{Томского}, где присутствовали, как мне позже рассказывал Томский или Рыков, сам Томский, Рыков, Ула-

ов и, кажется, В. Шмидт, рюмкинская платформа, как платформа всей контр-революционной организации правых в целом; здесь она получила таким образом свои организационные санкции от имени руководства правых. Центр утвердил также и решение конференции, где, помимо докладов с мест и информации, обсуждалась и рюмкинская платформа и со всеми ее выводами, а именно, курсом на дворцовый переворот, террор, блок с троцкистско-зиновьевской организацией.

Когда я приехал из отпуска, большинство участников конференции было уже арестовано.

Здесь уже можно остановиться более подробно на некоторых вопросах, связанных с конференцией. Прежде всего, идея "дворцового переворота". Эта мысль ~~была~~ витала и много раньше, сперва в виде полушутливых разговоров и замечаний со стороны Момского, который жил недалеко от Енукидзе, был с ним связан и, очевидно, наткнулся на мысль о возможности использовать серьезное положение этого лица, в руках которого сосредотачивалась отрава Кремля, в том числе и школа курсантов ЦКК'а. К тому же в эту пору Роккова предостерегалось, можно было говорить и об использовании серьезного положения последнего. Однако, повторю, на первых порах эта идея носила неопределенно-легкомысленно-теоретический характер, характер несерьезных мечтаний и так называемых "разговорчиков". Я не могу припомнить, какие лица, когда и где говорили в ту пору о дворцовом перевороте, но не исключаю того, что я сам был также разговорчиком с кем-либо из "участников", не придавал этому первоначально особого значения. Однако, мошка борьбы, закрытые пути для легального получения большинства в партии, полная парализация в открытой борьбе, переход к двуручкинской тактике и келегальным методам борьбы сделали свое дело, и эта идея получила уже серьезный смысл. Связь Момского с Енукидзе и связь Роккова с Ягодой, о чем речь была выше, послужили практической основой для соответствующих политических выводов. Момский рассказывал мне однажды, уже после моего приезда, что Енукидзе согласен на то, чтобы возглавить этот переворот, что Ягода тоже принимает в этом участие и что Енукидзе тащивший для этого дела и команданта Кремля, Петерсона, который был раньше, как известно, начальником Т.Н. поезда Троцкого. Так созрел план государственного переворота.

Далее. Первоначальные попытки установления блока с другими контр-революционными организациями (зиновьевцами и троцкистами) не прекращались. Из информационного сообщения переферийных работников контр-революционной организации правых я ~~уже~~, равно как и другие члены центра, знали, что на местах есть боковая жила к ~~установлению~~ установлению контакта между правыми, троцкистами и зиновьевцами. Это рассказывал Сипков о Самаре, Маренский - о Ленинграде, это рассказывал Айхенвальд о Москве и т.д., при чем, если не ошибаюсь, речь шла, главным образом, о молодежи. Известно было всем также и о ~~бл~~ так называемом "правом левацком блоке" Сарцова-Ломинцадзе, блоке, который варадился по существу ту же самую тенденцию. Таким образом, поиски союзников со стороны правых на местах

~~Вставка в текст на стр. 29 (перепечатанной на машинке).~~

При этом мы, правда, исходили из того, что в случае ~~красильных~~ - кулачных движений необходимо использовать, несомненно, имеющиеся жеровские швы в этой среде, что блок с жералью допустил. Так же, как он был допущен в свое время, когда партия входила, на базе красильского вопроса, в блок с левыми жералью. По этому Семёнову были даны много указания об уфакновлении ~~своей~~ Конфакта и ~~с жералью~~ с крупными жералью, ~~также и то удаётся~~ и с жеровскими группами, ~~также и их обнаруживая где-либо на местах.~~

Вацис правя. Прован Епукидзе (1935г.) перенес роль последнего на самого Лоду, ружьях которого отсутствовала непосредственная охрана Кремля.

За последние годы (1934-35) у Момского была непосредственная связь с Мельниковым и Соболевниковым, как имелись параллельного центра, ~~и~~ с которыми М. Момский находился в контакте, а те были связаны с К. Радеком.

К Радеку у меня были многочисленные встречи, в силу нашей совместной работы в редакции „Известий“ и в силу содействия на деле, что давало возможность таких встреч.

Должен, прежде всего, сказать, что Радек повел себя со мной в свои указания, во всем, если так можно выразиться, «своим мнением».

Летом 1934г. я был у Радека на квартире, при чем Радек сообщил мне ~~о~~ о внешне-политических установках Троцкого, который распоряжался советскими делами, как хозяин. Я возвращался против таких установок, ибо и я, и многие другие члены контр-революционной организации правых все же, ^{занимались} (на деле пренебрегли) антисоветской борьбой, обладали чувством патриотизма, которого совершенно лишены Троцкий и зинovieвцы. Я говорил, что в крайнем случае могла бы идти речь о кое-каких концессиях или об уступках в торговых договорах, но что не может идти и речи о территориальных уступках какому-либо капиталистическому государству и тем более грабительской Германии. Я утверждал, что скоротечный процесс Троцкого и его осмеиваемая ^{ослабленность} ~~слабость~~ может привести к полной ликвидации его организации, а также и всех троцкистских союзников, в том числе и правых, и что против такой позиции мы будем решительно возражать. Вообще-говоря, я - все дело может закончиться авантюризмом Троцкого, который воображает, что он центр земли, вокруг которого вращаются все, что он никогда не понимал и сейчас не понимает ничего, что связано с проблемами массового движения, и что так же, как в 1918г. он не понимал, что все дело - в вопросе мира, так теперь он не понимает и глупости вопроса массового патриотизма народов СССР. Радек - как мне показалось - сам чувствовал себя не очень твердо в своих позициях.

Я помню только в каком месяце 1934г. я зашел к Радеку на квартиру, чтобы ^{как писал редакция} написать ему ^{написательную} ~~статью~~ ^{многостраничную} статью. Там я неожиданно застал человека, о котором Радек сказал, что это - Мрачковский. Мрачковский с места в картер поставил вопрос о терроре, стал допытываться, что делается в этом отношении правых, но я уклонился от этого разговора в его конкретной части, заставив его, что он знает о Т.Н. рижской платформе, ^{и, следовательно, об общих установках правых,} что у троцкистов ~~все равно~~ преобладает авантюризм, и Мрачковский быстро ушел.

Вспомнил 1935 года я сидел на веранде радеховской дачи, как вдруг на машине приехали к нему три немца, которых Радех рекомендовал мне, как немецких коммунистических прогрессоров. С одной стороны разговор сошел в нападение на Г. Н. расовую теорию, а Радех ~~сделал очень резкий выпад против Гитлера~~, после чего я вскоре ушел. ^{после моего ухода} ~~После~~ Радех сказал мне, ^{также} что и они вскоре уехали, при чем выразили примерно так: "Троцкий не будет в форме от этого разговора", на что я заметил, что вообще эти свержения троцкистов могут только скомпрометировать все дело и повторил примерно то, что я говорил Радеху летом 1934 г. Затем у меня с Радехом был большой разговор на Сходке (на даче) по поводу международной политики, где я говорил, что многие в СССР, например теория отрицания капитализма, не видят реальных мероприятий, в первую очередь, экономического характера, идущих по линии государственного капитализма (в Италии и Германии прежде всего), и что нельзя недооценивать этих мероприятий. Политический вывод, который я здесь делал, сошел в том, чтобы решительнее вести курс на удовлетворение массовых потребностей, и опять повторил, что ни о каких территориальных уступках не может быть речи, а о торговых можно говорить, и не исключена возможность известных уступок при поставках сырья. Вспомнил еще один важный разговор, в котором Радех много рассказывал, по поводу каких-то новых директив от Троцкого и по внешней, и по внутренней политике. Помню, что меня возмущали вообще этот модус каких-то приказов от Троцкого, к которым троцкисты относились как будто не к военным приказам единоличного полководца. Радех намекал мне на то, что очевидно, речь шла о каких-либо новых переговорах Троцкого с Германией или с Англией, но эти ограничились, рассказав же о директиве на вредительство, что я назвал шунтовой и новой антимассовой авантюрой Троцкого, который сидит точно в Захуноренской бутылке. После моего приезда из-за границы я тоже имел неоднократно встречи с Радехом. Радеху я рассказывал о том, что видел "живого Дана", а также о своих разговорах с Николаевским, о чем я сообщал уже выше. Радех заявил, что он вполне одобряет контакт с меньшевиками, и что это может приводить и к в случае каких-либо провалов. Я сообщил на это, что Николаевский говорил о содействии кампании в случае провала. Вскоре после пленума ЦК, где Ягода делал доклад об арестах троцкистов и функционеров я подробно информировал Радеху о пленуме и о докладе Ягоды, при

✓ Впоследствии Радек скавал мне, что ~~он~~ один из немцев был Баури, что он и раньше имел с ними, по поручению Троцкого, дела, что он, Радек, информировал Баури о троцкистско-бульварских делах и о других, но что он не хотел разговаривать с Баури в присутствии других лиц, и что поэтому он, мол, и сорвал разговор своим внезапным появлением, дав таким образом понять, что он в такой обстановке разговаривать вообще не желает. Радек

и говорил, что перед ним - в том числе Бусыгин и Киселев - никогда не были, насколько я знаю, троцкистами, что ~~они~~ они скорее являлись правыми по этим настроениям. Я отмечал, что о правых в докладе Ягода не было ни слова, и что, очевидно, никакие серьезные вещи не раскрыты.

Кроме этих, так сказать, концентрированных разговоров, были более короткие и более случайные встречи, где происходил короткий обмен мнениями. Из этих разговоров наиболее, насколько помнил, существенными мне представлялись следующие:

Радек сообщал, что Троцкий не время затрачивает Феррар;

~~Радек сообщал о своих поездках в Турин, Туринский;~~

Радек говорил о том, что он связан с военными (Пришатов, Путьга, насколько я вспоминаю);

~~Радек говорил о своих опасениях в связи с тем, что все лица, принадлежащие к в~~
~~сопоставлению, что является организмом НКВД;~~

Радек говорил, что ему от Мельникова и Соколовникова известно о существовании отдельного центра и военной организации.

Радек рассказывал мне также о своих поездках в Турин и Туринский, где он встречался с различными троцкистскими группами; поводом для этого ему служил доклад ~~о~~ о международном положении. ~~Вот именно,~~ что в 1935 в Туринский Радек ездил для встречи с А. Шмиттом, участником троцкистской организации А. Шмиттом, работавшим, ~~кстати~~ если не ошибаюсь, курьером и обкомом.

На основании показаний даной обличья картину различных контр-революционных действий правых и их союзников, при этом, если понадобится, эти ^{показания} ~~картины~~ могут быть детализированы и уточнены.